

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ОБЩАЯ ГРАНИЦА

К юбилею Всеволода Евгеньевича Багно

7 июня 2021 года исполняется 70 лет Всеволоду Евгеньевичу Багно — доктору филологических наук, члену-корреспонденту Российской академии наук, научному руководителю Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, заведующему отделом взаимосвязей русской и зарубежной литературы, офицеру Креста Ордена Изабеллы Католической, иностранному члену правления Ассоциации литературоведов-русистов Китая. Остановим на этом длиннейший перечень его разнообразных званий, должностей, научных и общественных обязанностей. Попробуем вместо этого набросать творческий портрет юбиляра.

Принимая решение, порой неожиданное для коллег, Багно иногда приводит последний мотивирующий его аргумент: «Это мой стиль». Ключевые слова для определения его стиля: быстрота, непредсказуемость, парадоксальность и в большинстве случаев — интуитивно угадываемая точность.

Багно писал о Пушкине, Гоголе и Жуковском, о Толстом, Достоевском и Тургеневе, о Федоре Сологубе, Вячеславе Иванове и Максимилиане Волошине, о Зинаиде Гиппиус и Бунине, Кузмине и Мережковском, о Платонове и Набокове. В рамках одной эпохи ему так же тесно, как и в рамках одной культуры. Испанист в Институте русской литературы, профессиональный переводчик, он постоянно занят пересечением границ, перебрасыванием межкультурных мостов. Граница для него — не черта разделения, а место встречи, точнее — множественных встреч. Не удивительно, что она же — одна из его любимых научных тем (статьи «Граница как категория культуры» (1995), «Философская мысль в пограничных культурах (Россия и Испания)» (1996), «Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания)» (1998), «Языки пограничных культур» (2001), «Пограничные культуры: пограничное сознание» (2006)). Пятый выпуск инициированного Всеволодом Евгеньевичем альманаха «Канун» вышел в 1999 году под заглавием «Пограничное сознание». А парадоксальность, свойственная стилю Багно, проявилась в названии его монографии «Россия и Испания: Общая граница» (2006).

Еще одно ключевое определение стиля Багно — любовь к метафоре, которая тоже перебрасывает смысловые мосты, связывает разъединенное, высвечивает неожиданное, сближает далекое, роднит чуждое. Отсюда — такие темы его работ, как «Зарубежная архитектура в русской поэзии конца XIX — начала XX века» (1986; тут автору явно дорого было то, что архитектура — в поэзии, зарубежная — в русской), «Метафорические интерпретации в биографическом жанре» (1989), «Свое в чужом, чужое в своем (искусшение максимализмом)» (1995), «Образ другого как способ самопознания» (1999), «Петербург и его литература во взаимном отражении» (2003; тут важно было взаимопроницающее отражение). В 2001 году подобная тематика стала общей для статей разных исследователей, собранных в шестом

выпуске альманаха «Канун» — «Чужое имя», а в 2003 году Всеволод Евгеньевич собрал и отредактировал сборник научных статей «Вожди умов и моды: Чужое имя как наследуемая модель жизни».

Последний и любимый ученик академика М. П. Алексеева — великого приверженца фактографии, Багно посвятил себя неутомимому изучению мифов, легенд и утопий («Договор человека с дьяволом в „Повести о Савве Грудцыне“ и в европейской литературной традиции» (1985), «К вопросу о контактировании легенд об оскорблении черепа и о „бабьем насмешнике“ (Легенда о Дон Жуане и былины о Василии Буслаеве и Алеше Поповиче)» (1990), «El mito de Petersburgo» (1993), «Los grandes mitos de la civilización rusa» (1994), «„Каменный гость“ как перекресток древнейших легенд и мифов» (1995), «Ключевые мифы русской культуры (Мифы о бунтаре, самозванце, страннике и лишнем человеке)» (1996), «Миф об отвоеванном королевстве» (1999), «Миф о влюбленном ни в кого, подражателе добрых, биче дурных» (2002), «Времена света и светопрествления» (2003), «Средиземноморская утопия в русской истории и русской литературе» (2003), «Русская мечта: Средиземноморье» (2003), «Томленья духа о душе и теле (Сологубовский миф о Дульсине и его истоки)» (2004), «Мотив „жизнь есть сон“ в современной молодежной субкультуре» (2007), «Мотив „жизнь есть сон“ в творчестве Набокова» (2007), «Миф — образ — мотив: русская литература в контексте мировой» (2014)). Первый выпуск альманаха «Канун» (1995) Всеволод Евгеньевич посвятил русским утопиям. В этом тематическом круге два мощных магнита неотрывно привлекают к себе внимание Багно, заставляют его возвращаться к ним вновь и вновь. Разумеется, это фигуры Дон Жуана и Дон Кихота, героев многочисленных статей и книг Всеволода Евгеньевича, составленных и отредактированных им научных сборников. Обращаясь то к одному, то к другому, Багно — просто в силу своего призвания — должен был рано или поздно организовать их встречу. Она произошла в 1999 году в небольшой статье с характерным названием: «Мифы о дон Кихоте и дон Жуане во взаимопоясняющей перспективе».

Взаимоотражающая перспектива — два зеркала, наставленные друг на друга, два образа, глядящие друг в друга поверх разделяющей их границы, — эта метафора может служить ключом к большей части научных трудов Багно, с той поправкой, что зеркал может быть больше, чем два. Многоголосие, плюрализм точек зрения — еще один привлекательный для него предмет исследования и описания («Билингвизм в арабской Испании: мувашшах как двуязычная стихотворная форма» (1981), «Многонациональный характер литературы Испании» (1981), «Традиции русской литературы в испаноязычной литературе Латинской Америки» (1990), «Россия и русские глазами испанцев» (1997), предисловие к сборнику «Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре» (2013)...). В тот же ряд встают уже упоминавшиеся работы с «зеркальными» названиями: «Петербург и его литература во взаимном отражении», «Свое в чужом, чужое в своем», «Образ другого как способ самопознания» и др.

Вполне очевидно, что особенности научных интересов Всеволода Евгеньевича Багно теснейшим образом связаны с другой стороной его деятельности — с переводами, которые как раз и требуют искусства взаимоотражения, установления метафорического тождества, преодоления границ между культурами. Список авторов, которых Багно перевел через границу между Испанией и Россией, Латинской Америкой и Россией, не менее впечатляющ, чем список имен русских классиков, творчеством которых он занимался. Это Р. Льюль, Л. де Леон, Ф. де Кеведо, Э. Пардо Басан, Р. дель Валье-Инклан, М. Мачадо, С. Вальехо, Р. де Гомес де ла Серна, Асорин, М. де Унамуно,

С. Эсприу, Л. Сернуда, А. Гала, Х. Л. Борхес, Х. Ортега-и-Гассет, Х. Кортасар, О. Пас, Л. А. де Куэнка, А. Баутиста. Но совершались и другие вылазки — переходы через русско-английскую и русско-французскую границы (переводы Дж. Китса, Ж. Нуво, А. Рембо), причем последняя прочерчена особенно ярко в изданиях и публикациях, подготовленных Багно и требовавших сочетания исследовательской точности с тонким переводческим чутьем («Пьеса Поля Клоделя „Отдых седьмого дня“ в переводе М. А. Волошина», 1999; Поль Верлен. Стихотворения, 2014 (сер. «Литературные памятники»)).

Острота ума Всеволода Евгеньевича проявляется не только в изобретательности и изощренности его исследовательской мысли, но и в остроумии в прямом смысле слова, свидетельством чего служат несколько сборников его парадоксов и иронических афоризмов «Под абсурдинку» (2001–2019).

Всеволод Евгеньевич действительно принадлежит к числу тех редких людей, которые вправе говорить о своем стиле, в частности, потому, что характер его научной и творческой активности нашел самое органичное соответствие в его административной и организационной деятельности. За годы его директорства атмосфера Пушкинского Дома как-то незаметно, но радикально очистилась от ощущавшегося в ней идеологического наследия совсем недавнего прошлого. Это произошло как будто само собой, без громких лозунгов, без конфликтов, без преследования инакомыслящих. Иначе и не могло быть: какие-либо репрессивные меры совершенно чужды стилю Багно. Ему всегда интересна человеческая психология. Это интерес почти бескорыстный и всегда безоценочный: любопытной может оказаться любая черта и черточка, в любом «другом» и «чужом» можно найти если не «свое», то по крайней мере нечто достойное уважения и внимания. Отсюда — толерантность Багно-директора и Багно — научного руководителя Института. Человек достаточно резкий в своих симпатиях и антипатиях, он готов в каждом увидеть право на индивидуальность и признать его. Такой взгляд Всеволода Евгеньевича на коллег определяется его чувством любви к Пушкинскому Дому — всему целиком, без каких-либо исключений. И Пушкинский Дом отвечает ему взаимностью.

М. Н. Виролайнен,
В. В. Головин,
И. Ф. Данилова,
М. Ю. Коренева,
С. И. Николаев